

## Образ Эмпедокла в трактатах гиппократовского корпуса и интерпретация некоторых биографических сведений\*

А. С. Афонасина

Новосибирский государственный университет,  
Российская Федерация, 630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 1

**Для цитирования:** Афонасина А. С. Образ Эмпедокла в трактатах гиппократовского корпуса и интерпретация некоторых биографических сведений // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2022. Т. 38. Вып. 3. С. 293–306.  
<https://doi.org/10.21638/spbu17.2022.302>

Об Эмпедокле как враче говорят разные древние авторы. Однако ни одно из приписываемых ему медицинских сочинений не сохранилось. Таковыми могли быть упоминающийся Плинием Старшим трактат Эмпедокла об избавлении Афин от чумы и сочинение «Врачебное слово» в шестистихах стихах (DL VIII, 77). Тем не менее в нашем распоряжении имеется ряд фрагментов его поэмы, в которых описывается строение разных частей тела, предпринимается попытка объяснить функционирование процессов восприятия, встречаются рассуждения об эмбрионе, описываются некоторые физиологические процессы и устройство живых организмов. Эмпедокл упоминается и в отдельных трактатах гиппократовского корпуса, однако скорее как ненастоящий врач, по сравнению с настоящими, т. е. врачами-гиппократиками. Данное исследование призвано разрешить конфликт, существующий между фрагментами поэмы Эмпедокла, в которых он говорит от первого лица и обещает научить разным «магическим» приемам, основанными на этих высказываниях свидетельствами Гераклида и Тимея и реакцией на Эмпедокла со стороны представителей гиппократовской школы. Для этого нам предстоит обратиться как к доксографическим свидетельствам, так и к некоторым трактатам гиппократовского корпуса — «О древней медицине», «О священной болезни», «О благоприличном поведении». В статье рассматривается вопрос о том, что представляла собой медицина в Античности, по какой причине происходила институционализация медицинской профессии и можно ли провести четкие дисциплинарные границы между медициной и натурфилософией в тот период. Эти вопросы вписываются в общий круг рассуждений о соотношении религиозных и научных взглядов как в философии Эмпедокла, так и в упомянутых трактатах гиппократовского корпуса. Кроме того, в статье предпринимается попытка интерпретировать историю о чудесном воскрешении бездыханной при помощи обращения к современным исследованиям в области реаниматологии.

*Ключевые слова:* Эмпедокл, античная медицина, трактаты гиппократовского корпуса, образ врача, магия, бездыханная.

Гален, Плиний и Цельс включают Эмпедокла в список древних медиков и даже считают его основателем медицинской школы в Акраганте. Кроме этих упоминаний, в нашем распоряжении есть истории о том, как Эмпедокл исцелял от болезней

\* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00163 «Эмпедокл-физик: исследование естественно-научных фрагментов с переводом и комментарием».

отдельных людей и целый город, рассказанные Гераклидом, Тимеем и некоторыми другими, и довольно большое число фрагментов поэмы Эмпедокла о наблюдениях в области анатомии и физиологии разных живых существ. Имеется также ряд фрагментов, в которых Эмпедокл обещает своему ученику научить его разным сомнительным с точки зрения доказательной медицины приемам. Последние скорее всего послужили отправным пунктом для критики Эмпедокла со стороны представителей гиппократовской школы, которая в явном или скрытом виде нашла отражение в некоторых трактатах представителей этой школы, в первую очередь в «О древней медицине» и «О священной болезни». В первом звучит призыв не смешивать философию с врачебным делом, в то время как автор трактата «О священной болезни» открыто критикует разных магов и шарлатанов за обращение к колдовским средствам излечения непонятной эффективности, вместо того чтобы прибегнуть к тем, действенность которых доказана научными методами. Спросим себя, относится ли критика автора трактата «О священной болезни» к Эмпедоклу, ведь его имя там не упомянуто? Действительно ли Эмпедокл обращался к каким-то магическим средствам или наши источники по этому вопросу не могут сказать ничего достоверного? И в целом — на каком основании Эмпедоклу приписывают звание врача?

Судить о том, что собой представляла медицина в классический период, можно на основании трактатов гиппократовского корпуса, где рассматриваются такие разделы, как анатомия и физиология человека, психические болезни и состояния, эмбриология и репродукция, молодость и старость, дыхание, пульс, простуда, причины болезней, влияние еды, питья и препаратов на тело<sup>1</sup>. Некоторые из перечисленных тем мы с легкостью найдем у Эмпедокла, что естественным образом помещает его в контекст если не практической, то теоретической медицины прошлого.

Само разделение медицины и философии произошло, конечно, довольно рано и было инициировано именно медиками. Однако разнообразные объяснительные гипотезы, спекулятивные и не подкрепленные экспериментом, еще долгое время (вплоть до XX в.!) были тесно вплетены в медицинские теории и практику. Вместе с тем в ряде философских сочинений разных периодов Античности мы продолжаем встречать размышления об устройстве и функционировании тканей и органов живого существа, теории размножения, старения и умирания тела, объяснение некоторых психических процессов. Яркими примерами здесь являются Эмпедокл [1, р. 14], Платон, который не был врачом, но весьма активно интересовался медицинскими доктринами своего времени и со всей серьезностью внедрял их в сообщения о природе мира и человеческого тела, как это хорошо видно в «Тимее», и Аристотель.

Продолжая говорить о проведении четкой границы между медициной и философией, мы сталкиваемся с проблемой определения их самих. Можно считать, что медицина выделяется в отдельную область около 400-х годов до н.э., когда была написана большая часть произведений гиппократовского корпуса. Однако определить границы философии в содержательном плане в этот период довольно непросто, ее можно назвать универсальной областью знания, откуда в дальнейшем

---

<sup>1</sup> Наиболее полные обзорные исследования о философских основаниях медицины в античности см. в работах Филиппа Ван дер Эйка (Philip Van der Eijk) [1] и Джеймса Лонгригга (James Longrigg) [2].

разовьются отдельные науки. В классический же период физика, математика, биология, анатомия, социальные и психологические теории были частью философии. Платона, например, весьма интересовали вопросы здоровья граждан идеального государства. Ф. Ван дер Эйк отмечает, что «мы можем справедливо испытывать колебания, называя таких людей, как Эмпедокл, Демокрит, Пифагор и Алкмеон, “врачами”, но в основном потому, что этот термин вызывает ассоциации с тем типом профессиональной организации и специализации, которые развились позднее, и которые при этом не подходят для реальной практики ухода за человеческим телом в архаический и классический период» [1, p. 14]. Поэтому, продолжает Ф. Ван дер Эйк, сам принцип выделения специализаций может считаться анахронизмом. Свидетельств «специализации» в этот период очень мало, и это относится не только к философии и медицине, но, например, к математике и биологии. Есть основание полагать, что если дисциплинарные границы и существовали, то они были очень размыты и текучи<sup>2</sup>.

Интересно, что именно в трактате «О древней медицине» слово «философия» встречается впервые в сохранившихся образцах античной литературы<sup>3</sup>. Однако используется оно для того, чтобы отделить настоящую медицину от того знания, которое разные врачи и софисты называют медицинским и претендуют на то, что вносят в него определенный вклад («О древней медицине», XX). Более точно можно сказать, что автор трактата негативно реагирует на тех мыслителей, которые заявляют, что для лечения пациентов доктор нуждается в знании типа «что есть человек?». Такая процедура, по его мнению, тяготеет к философии в стиле Эмпедокла и других, которые пытаются объяснить, как человек появился и из каких частей он состоит<sup>4</sup>. Учение Эмпедокла о четырех универсальных корнях мира (вошедшее в историю медицины в виде теории о правильном соотношении тепла, холода, влаги и сухости; например, в трактате «О диете»), при помощи которых он описывает разные физиологические процессы, объявляется излишним теоретизированием и вообще не может в должной мере объяснить причину болезни, так как основано на ошибочных гипотезах («О древней медицине» I и XV; «О природе человека» I)<sup>5</sup>. По всей видимости, это делается для того, чтобы провести некую границу между медициной и другими областями знания, что должно, в частности, послужить самоидентификации и сформировать представление о профессии. Эту ситуацию хорошо описывает Ф. Ван дер Эйк: «Историки науки в недавнее время обратили внимание на соревновательную атмосферу, в которой древние медики должны были себя утвердить. В ситуации, когда нет никаких сертификатов, подтверждающих компетенцию, и каждый мог назвать себя доктором, врачи-гиппократики должны

<sup>2</sup> Ниже я приведу цитату из трактата Плотина «Против гностиков», в которой он, подразумевая медиков, говорит о философях, что указывает на сложность в разделении специальностей и в III в. н.э.

<sup>3</sup> Исследование Майкла Фреде (Michael Frede) [3] показывает, что одно из важнейших философских понятий — понятие «причина» — в своем философском значении также впервые появляется в медицинских трактатах.

<sup>4</sup> В статье 1963 года Джефффри Ллойд (Geoffrey E. R. Lloyd) попытался показать, что атака автора трактата «О древней медицине» направлена не на Эмпедокла, а на Филолая [4].

<sup>5</sup> В действительности в трактатах гиппократовского корпуса теория четырех гуморов встречается довольно часто. Но кроме этого, в них можно найти большое количество других ничем не подтвержденных и довольно нелепых с современной точки зрения гипотез, базирующихся, например, на числовом символизме или качествах жидкостей.

были защитить себя не только от продавцов пилюль, шарлатанов, магов и служителей храмовой медицины, но также и от интеллектуалов, таких как Эмпедокл, которые предлагали лечение на основе философских постулатов. В этом отношении им помогала риторика, которая иногда в довольно большом объеме встречается в трактатах» [1, p. 33].

Перед авторами произведений гиппократовского корпуса стояла не только проблема отделения медицины от философии, но и вопрос о том, как медицина может соотноситься с религиозными взглядами. Например, в трактате «О священной болезни» осуждаются колдуны, очистители, шарлатаны и жулики, но при этом авторитет божеств, священных мест и ритуальных практик остается непререкаемым<sup>6</sup>. Макс Веллман (Max Wellmann) [6] и, видимо, вслед за ним В. П. Карпов [5] считали, что среди упомянутых шарлатанов автор трактата имел в виду и Эмпедокла, хотя его имени в тексте нет<sup>7</sup>. Этот сюжет стоит рассмотреть подробнее.

Когда автор трактата «О священной болезни» стремится понять «природу» этой болезни (эпилепсии), он задумывается о ее происхождении, источнике роста и пытается выявить ее структуру. Этот подход объявляется верным в противовес магам, шарлатанам и мошенникам, которые рассматривают эту болезнь как форму непредсказуемого божественного вмешательства или демонического захвата, а также тем, чья терапевтическая практика обусловлена магическими верованиями и процедурами. Автор трактата описывает возможное развитие болезни на самом раннем, пренатальном, этапе жизни плода, определяет мозг как место обитания сознания и как основной орган, страдающий от этой болезни. Он обсуждает целый спектр дополнительных факторов, внешних и внутренних, предполагает, что у болезни есть разные стадии, и сводит каждый симптом к конкретной физиологической причине. Имя Эмпедокла не упоминается. Из фрагментов Эмпедокла также ничего не известно ни о его отношении к этой болезни, ни о ее лечении. Что же дает основание помещать его в ряды шарлатанов?

---

<sup>6</sup> «Поэтому бог очищает и омывает величайшие и преступнейшие грехи и является нам защитой, и мы сами обозначаем для богов границы храмов и святилищ, которые только чистый переходит, и, вошедши, мы окропляемся не для того, чтобы оскверниться, но чтобы, если и допустили какое преступление, от него очиститься. Так мне представляется дело об очищении этого рода» («О священной болезни», I, 107–112) [5, с. 499]. В трактате «О благоприличном поведении», VI специально подчеркивается, что врач не всемогущ, врач склоняется перед богами, так как есть многое, что превосходит его силу, но не раболепствует. Вопросу теологии в трактате «О священной болезни» посвящена отдельная глава в книге Ф. Ван дер Эйка [1, p. 45–73].

<sup>7</sup> Следуя М. Веллману, В. П. Карпов высказывается в комментарии к трактату следующим образом: «Философ и врач Эмпедокл известен прежде всего своим произведением “О природе”, где излагается учение о четырех стихиях, отзвуки которого дошли до нового времени; в деятельности его как врача, по-видимому, большую роль играли шарлатанство и мистицизм как ответ на требования эпохи (пышные одежды, обряды очищения, заклинания)» [5, с. 46]. В другом месте он продолжает: «Там, где он [автор трактата «О священной болезни». — А. А.] говорит о магах и заклинателях, лечащих эпилепсию методами религиозно-мистического очищения и заклинаниями, он имеет в виду Эмпедокла и его последователей, включая сюда Диокла Каристского, которые применяли эти приемы» [5, с. 494]. Похожего взгляда придерживается и Жак Жуана (Jacques Jouanna) [7, p. 263–262], хотя его комментарий в отношении Эмпедокла более сдержан. Ниже я покажу, что мнение этих исследователей стоит пересмотреть, поскольку у нас нет достаточных оснований записывать Эмпедокла и уж тем более врача Диокла Каристийского в ряды шарлатанов. Два тома фрагментов Диокла с переводом и комментарием изданы Ф. Ван дер Эйком [8], который в другой своей работе убедительно показывает, что Диокла по праву можно считать одним из первых представителей рациональной медицины [1, p. 74–100].

В трактате деятельность шарлатанов описывается следующим образом: «В этом случае они (маги. — А. А.) пользуются очищениями и заговорами и по моему суждению совершают дело самое нечестивое и безбожное. В самом деле, людей, одержимых болезнью, они очищают кровью и другими подобными средствами, как будто запятнанных преступлениями, порочных и злодеев или таких, коим от людей присужден яд, или таких, кои совершили какое-либо нечестивое дело, между тем как следовало бы поступать наоборот: приносить жертвы и молиться, приводить больных в храмы и умолять богов. А они ничего из этого не делают, а только очищают. И средства для очищения частью скрывают в земле, частью выбрасывают в море, частью также возносят на горы, где бы их никто не мог коснуться и потоптать ногами, а между тем должно было бы их, если здесь бог причиною, отнести в храм, воздать богу»<sup>8</sup> [5, с. 499]. Осмелюсь предположить, что суждение М. Веллмана (к сожалению, его исследование осталось мне недоступным) о том, что в числе магов следует рассматривать Эмпедокла, основано на частом упоминании очищений, что, конечно же, созвучно названию поэмы Эмпедокла («Очищения»). Если это так, то выходит, что автору гиппократовского трактата название поэмы было известно, а вот содержание, скорее всего, нет, ведь оно прямо противоположно тому, в чем обвиняются маги в трактате «О священной болезни». В частности, Эмпедокл ясно заявляет об отказе от кровавых жертвоприношений, называя их позором и осквернением (μύσος). До нас дошло несколько фрагментов, в которых звучит обвинение в пролитии крови, даже крови жертвенных животных: это фр. В 128 DK, где говорится о том, что кровью быков не окроплялся алтарь Афродиты, или фр. В 115 DK, где орошение своего тела кровью приравнивается к греху («Каждый раз, когда кто-либо загрязняет свои члены преступлением или убийством, любой, кто совершает ошибку, давая ложные показания...»), и фрагменты, осуждающие всякое убийство (фр. В 136–137 DK). Таким образом, если автор гиппократовского трактата к числу целителей-шарлатанов причислял и Эмпедокла, то он явно не знал содержания его сочинений, где под очищениями понимается глубокая духовная практика, а не внешняя обрядность.

Однако обратимся к сообщению Тимея из Тавромения (DL VIII, 60), в котором действия Эмпедокла на первый взгляд очень похожи на те, что представлены в приведенном выше отрывке из трактата «О священной болезни» I<sup>9</sup>. Так, в гиппократовском трактате в качестве магических действий обсуждается умение «отводить луну, затмевать солнце, наводить бурю и хорошую погоду, производить дожди и засухи, делать море непроходимым для кораблей и землю бесплодной и прочее в этом роде» [5, с. 497–498]. Те, кто занимаются такими делами, поистине нечестивы, так как своим поведением лишь показывают, что боги совершенно бессильны. Тимей же рассказывает историю о том, как во время сильных этесий, которые вредили урожаю, Эмпедокл посоветовал снять шкуру с ослов и изготовить мехи (ἀσκοὺς ποιῆσαι), а потом растянуть их по вершинам холмов. После чего ветер стих,

<sup>8</sup> Здесь и далее цитаты из трактатов гиппократовского корпуса даются в переводе В. И. Руднева, если не оговорено иное.

<sup>9</sup> То, что рассказывает Тимей о ловле ветра в мешки, выглядит, конечно, как магический прием. Но автор трактата «О священной болезни» жил раньше Тимея и опирался, скорее всего, только на поэму Эмпедокла.

а Эмпедокла прозвали «Унимающий ветры»<sup>10</sup>. Это свидетельство, по всей видимости, развивает слова самого Эмпедокла, обращенные к его ученику Павсанию, где он обещает научить его прекращать ветры, которые вредят посевам, или, наоборот, в нужное время призывать ветер, сделать из ливня засуху, или, наоборот, во время летней засухи создать древопитающие потоки (фр. В 111 DK). Мы видим, что магические действия, описанные в «О священной болезни», и то, чему обещает научить Эмпедокл, очень отличаются по тональности. Нечестивым в трактате «О священной болезни» объявляется все то, что вредит, — солнце затмевается, море становится непроходимым, земля бесплодной. И совсем иное обещает Эмпедокл — в нужное время останавливать ветер и ливень или, наоборот, призывать их по необходимости. Это все напоминает различие между белой и черной магией, если можно так сказать. Тем не менее посыл Эмпедокла весьма позитивен, хотя и не лишен магических уловок. Если это вообще не художественный прием, которыми изобилует поэма Эмпедокла. К этому я вернусь позже.

Фрагменту В 111 DK сопутствует следующий, в котором Эмпедокл говорит о себе как о бессмертном боге (В 112 DK):  $\epsilon\acute{\upsilon}\omega\ \delta\prime\ \acute{\upsilon}\mu\acute{\iota}\nu\ \theta\epsilon\acute{o}\varsigma\ \acute{\alpha}\mu\beta\rho\tau\omicron\varsigma,\ \omicron\upsilon\kappa\acute{\epsilon}\tau\iota\ \theta\nu\eta\tau\acute{o}\varsigma\ \pi\omega\lambda\epsilon\acute{\upsilon}\mu\alpha\iota\ \mu\epsilon\tau\acute{\alpha}\ \lambda\acute{\alpha}\sigma\iota\ \tau\epsilon\tau\acute{\iota}\mu\epsilon\nu\omicron\varsigma,\ \acute{\omega}\sigma\pi\epsilon\rho\ \xi\omicron\iota\kappa\alpha$  — ‘Я же для вас бог бессмертный, уже не смертный среди всех хожу, почитаемый как положено’.

Жан Жуана реагирует на стиль высказываний Эмпедокла таким образом: «Очевидно, что Эмпедокл еще не установил четкого различия между магией и медициной, как это сделали через несколько лет врачи-гиппократики. Даже делая скидку на пророческий тон, который является характерной чертой поэтического жанра, следует признать, что обещания Эмпедокла едва ли совместимы с Гиппократовой мыслью; более того, они попадают под удар обвинений автора трактата “О священной болезни”, когда он бичует тех, кто утверждает, что знает, как вызвать “бурю или хорошую погоду при помощи магии и жертвоприношений”» [7, p. 262]. В приведенной цитате мы видим две возможные линии интерпретации фрагментов и свидетельств: буквальную и аллегорическую. Судя по всему, Ж. Жуана придерживается буквального прочтения, соглашаясь с ранними исследователями, что критика автора трактата «О священной болезни» направлена против Эмпедокла и его последователей и что сам Эмпедокл в своих фрагментах создает благоприятную почву для подобного рода обвинений<sup>11</sup>. Однако он хорошо понимает, что поэма Эмпедокла является, кроме всего прочего, поэтическим произведением, в котором символы и иносказания играют существенную роль. На этом стоит остановиться подробнее,

<sup>10</sup> Кроме Тимея, который является наиболее ранним источником, о ловле ветра сообщает Плутарх в разных сочинениях, в «О любопытстве» (1, 515) и «Против Колота» (32, 4, 1126 В), добавляя правда, что это действие Эмпедокла убергло людей еще и от морового поветрия. Климент в «Строматах» (VI, 30) сообщает о прозвище Эмпедокла и добавляет, что ветер вызывал болезни у жителей и бесплодие у их жен. В сочинении Флавия Филострата «Жизнь Аполлония Тианского» (VIII, 7, 8) этот сюжет приобретает новый оборот. Оказывается, что Эмпедокл основал движение грозовой тучи на Акрагант. При этом далее сообщается, что это не имеет никакого отношения к черной магии, несмотря на то что Эмпедокл, как Пифагор и Демокрит, общался с магами и наговорил много сверхъестественного.

<sup>11</sup> По этому поводу Герберт Лонг (Herbert S. Long) [9, p. 149] отмечает, что почти все биографические данные об Эмпедокле основаны на опрометчивых выводах из его собственных слов. И добавляет, что у нас нет оснований считать его шарлатаном, и следует остерегаться того, чтобы подобного рода предположения оказывали влияние на нашу интерпретацию его философии.

ведь имеется большой пласт исследований, которые смотрят на данные высказывания совсем иначе. Познакомимся с ними.

Уильям Гатри (William Guthrie) [10, с. 235] считает, что в своей сообразительности Эмпедокл шел на шаг впереди других. Высказывание Эмпедокла о возможности управлять ветрами он интерпретирует таким образом, что Эмпедокл мог изобрести что-то вроде щита или защитного экрана (в конце концов Плутарх говорит, что он просто замуровал узкое ущелье («О любопытстве», 515 с; A 14 DK)), который помог улучшить обстановку и избавить людей от болезней. И поскольку действие возымело результат, а его механизм не всем был понятен, то это создало питательную почву для интерпретации действий Эмпедокла как магических. У. Гатри обращает внимание на то, что в сохранившихся фрагментах поэмы Эмпедокла очень много поэтических и образных приемов, и с этим нужно считаться, когда мы пытаемся понять его характер и содержание высказываний.

В работе, посвященной архаической логике ранних философов, Реймонд Прир (Raymond Prier) [11, р. 129] предлагает рассматривать выражение Эмпедокла о себе как о бессмертном боге с точки зрения его самооценки. Этим он хотел сказать, что является одним из немногих, кто по-настоящему понимает, какие действующие силы лежат в основе всех природных процессов (ср. фр. В. 17 DK, 25–26: «Это ее [Любовь], которая среди них кружится, никто не знает из смертных мужей»)<sup>12</sup>, и что опыт смертных, которые нарушают клятву, совершают разные преступления и убийства, для него является неприемлемым, такие действия создают серьезные препятствия на пути познания структуры мироустройства. Выражение Эмпедокла, что он бессмертный среди смертных, означает лишь более глубокое проникновение в структуру мироздания, а не самолюбование и декларацию своих божественных (магических) способностей. С этим стоит согласиться. Действительно, представим себе гениального математика, биолога, физика, которые видят окружающий мир совсем не так, как обычные люди, а через призму своих знаний, позволяющих им во всей полноте созерцать великолепие сложных внутренних процессов и взаимодействий между природными объектами или объектами сознания. Зачастую им очень сложно выразить свое восхищение и остается лишь констатировать, что им доступно знание, которое от большинства ускользает. Возможно вследствие этого возникает ощущение собственного превосходства, но не в этическом плане, а в эпистемическом, выражающееся в ощущении того, что они находятся гораздо ближе к каким-то фундаментальным истинам, нежели другие. Подобное чувство свойственно и людям с глубоким религиозным опытом. Многие философы-мистики пытались описать эти ощущения, и нужно было обладать талантом и найти особые выразительные средства, позволяющие передать те сложные переживания единения с миром или богом, которые они испытывают. Пусть это не самое убедительное оправдание самовозвышения Эмпедокла, оно не основано ни на свидетельствах, ни на фрагментах. Но нельзя забывать, что, во-первых, язык Эмпедокла поэтичен и символичен и, во-вторых, что он не единственный, кто высоко оценивал свои познания и умственные способности.

---

<sup>12</sup> В дополнение можно привести фрагменты В 8 DK и В 15 DK, где говорится о том, что смерти нет, есть только схождение и расхождение корней, но простым людям это представляется как рождение и умирание. Так они думают в силу привычки.

Что-то похожее мы находим в трактате «О благоприличном поведении». Для нас чрезвычайно важен раздел V, где высказывается необходимость внедрения мудрости в медицину, а медицины в мудрость, а после этого звучит такая фраза — «ведь врач-философ равен богу» (Ἦτρος γὰρ φιλόσοφος ἰσῶθεος) [5, с. 111]. Я не вижу принципиальных отличий между этой фразой и высказыванием Эмпедокла о себе как о боге. А значит, у нас есть уже более твердое основание считать, что высокая самооценка не была чужда и врачам-гиппократикам.

Далее в этом же разделе автор рассуждает о поведении врача и описывает его следующим образом: «Да и немного в самом деле различий между мудростью и медициной, и все, что ищется для мудрости, все это есть и в медицине, а именно: презрение к деньгам, совестливость, скромность, простота в одежде, уважение, суждение, решительность, опрятность, изобилие мыслей, знание всего того, что полезно и необходимо для жизни, отвращение к пороку, отрицание суеверного страха перед богами, божественное превосходство» [5, с. 111]. Начнем рассматривать этот перечень требований с конца и обратим внимание на то, что божественное превосходство врача отнюдь не считается пороком. И это превосходство возникает вследствие не только владения специфическими познаниями в области медицины, но и мудрости, которая «заключается в том, чтобы познавать все то, что сделано природой» («О благоприличном поведении», IV) [5, с. 110]. Весьма похоже на Эмпедокла. Отрицание суеверного страха тоже можно отнести к философии Эмпедокла в целом, ведь его боги совсем не те, которых боятся и почитают простые люди. Боги Эмпедокла не карают, не судят, не управляют судьбами. Далее, что касается отвращения к пороку, то оно хорошо засвидетельствовано во фрагментах о кровавых жертвоприношениях (например, В 128 DK, В 136 DK, В 137 DK)<sup>13</sup>. Более трудным, возможно, будет применить к образу Эмпедокла требование простоты в одежде, ведь во фр. В 112 DK он громко заявляет о себе: «шествую... перевитый лентами и цветущими венками»<sup>14</sup>. Ответ на вопрос о характере Эмпедокла является в целом не очень простым. С одной стороны, по словам Фаворина (DL VIII, 73), Эмпедокл мог одеваться в пурпурные одежды и надевать золотую повязку, а также носить бронзовую обувь<sup>15</sup> и дельфийский венки. С другой — это же свидетельство подтверждает, что он не был жадным, так как обеспечил всех бедных девушек в своем городе приданым. И, согласно Тимею (DL VIII, 63), Эмпедокл критиковал акрагантцев, говоря, что они живут в такой роскоши, будто завтра умрут, и строят такие дома, будто будут жить вечно. По словам Аристотеля (DL VIII, 63; fr. 66 Rose), Эмпедокл отказался от царской власти, потому что больше всего ценил простоту. В целом наши свидетельства сходятся в том, что за внешним лоском и великолепи-

<sup>13</sup> В издании фрагментов Эмпедокла Андре Лакс и Гленн Мост (André Laks, Glenn W. Most) [12, р. 318] ставят фрагменты из поэмы «Очищения» перед фрагментами из поэмы «О природе» на том основании, что этическое измерение в философии Эмпедокла, с их точки зрения, имеет превосходство над физическим. Здесь это важно указать потому, что отвращение к пороку и преступлениям является яркой чертой характера Эмпедокла.

<sup>14</sup> «Шествую... в зелени свежих венков и в повязках золотых утопая» — слишком вольный перевод М. Л. Гаспарова. Ср. πωλεῦμαι... ταῖνιας τε περίστελλον στέφειν τε θαλαίους.

<sup>15</sup> Для ἐμβάτης словарь LSJ дает значение полусапог из войлока, а во втором значении это то же самое, что и котурн. Как сапог из войлока стал бронзовым? Я думаю, Фаворин мог опираться на Гиппобота (DL VIII, 69), который говорит, что после гибели в жерле вулкана один из башмаков Эмпедокла выбросило наружу, а он имел обыкновение носить бронзовые (χαλκᾶς γὰρ εἶθιστο ὑποδείσθαι).



ем одежд можно без труда разглядеть склонность к скромности и простоте, внимание к окружающим и критику чрезмерного богатства. Эмпедокл настаивает на равенстве и отказе от чрезмерных почестей (DL VIII, 65), когда призывает совет отказаться от установки памятника одному известному врачу. Таким образом, даже если Эмпедокл не отвечает требованию скромности в одежде, на его счет с легкостью можно отнести презрение к деньгам, совестливость, скромность и уважение к другим.

Трактаты гиппократовского корпуса написаны разными людьми и в разное время. Однако там, где речь идет о врачебной профессии, многие сходятся в том, что рациональность, опыт, проверка своих знаний — это ее важная часть. Кроме нескольких самовосхваляющих высказываний о себе Эмпедоклу трудно отказать в продуманности взглядов, оригинальности подходов к объяснению разных явлений, в разумности и логичности мысли. Конечно, если принимать в расчет отдельные высказывания об Эмпедокле и не видеть других, то может сложиться превратное впечатление о нем, как это, возможно, произошло и с автором трактата «О священной болезни» и как об этом думают некоторые исследователи. Хотя приведенные выше параллели и/или отсутствие таковых показывают, что не все обвинения из трактата «О священной болезни» можно отнести на счет Эмпедокла и, напротив, со многими требованиями к врачам из других гиппократовских трактатов его образ хорошо соотносится.

В связи с деяниями Эмпедокла стоит рассмотреть сюжет о бездыханной девушке, который также может характеризовать его как врача. Гераклид Понтийский (DL VIII, 60), а вслед за ним и другие авторы<sup>16</sup>, сообщает о девушке Пантее, которая в течение тридцати дней пребывала без пульса и дыхания, но тело ее не разлагалось (ὡς τριάκοντα ἡμέρας συντηρεῖν ἄλνουν καὶ ἄσφικτον τὸ σῶμα)<sup>17</sup>. Пытавшиеся спасти ее врачи сдались, но Эмпедокл смог ее оживить. Этот сюжет преподносится Гераклидом как событие, интерпретация которого находится на грани между наукой и магией, поскольку Эмпедокл описывается одновременно как врач и прорицатель (ὄθεν εἶπεν αὐτὸν καὶ ἡτρὸν καὶ μάντιν). Могло ли случиться так, что в этой истории не было ничего колдовского, но в глазах простого человека, а может и самого Эмпедокла, возвращение девушки к жизни оказалось чудом?

В современной медицинской практике похожие случаи объясняются приступом комы<sup>18</sup>. Кома бывает разной, одна отличается от другой не только вызвавшими ее причинами, но и клиническими проявлениями. Если мы возьмем, к примеру, ацетонемическую кому, то для нее характерно глубокое дыхание, т. е. вдох и выдох долгие, кожа сухая и бледная, тоны сердца глухие. Кроме того, отмечается, что такая кома характерна для детей-невротиков и чаще случается с девочками. Не могло ли именно такое состояние наблюдаться у той девушки, которую «оживил» Эмпедокл? В качестве альтернативы могут быть рассмотрены клиническая смерть и так называемый «феномен Лазаря» [15, с. 130–136]. Основным признаком клинической

<sup>16</sup> Гермипп (DL VIII, 69), Гален «О пораженных местах» (VI, 5), «О затрудненном дыхании» (I, 8), Плиний «Естественная история» (VII, 52, 175).

<sup>17</sup> Подборку фрагментов Гераклида об Эмпедокле и истории с бездыханной см. в статье Е. В. Афонасина [13].

<sup>18</sup> Кстаги, Дэниел Грэхам (Daniel W. Graham) так это место (DL VIII, 69) и толкует [14, p. 337]. Вот его перевод: «Hippobotus says when he got up [from healing a woman in a coma] he went his way to Mount Aetna...»

смерти является ее малая продолжительность, не более 3–5 минут. Для «феномена Лазаря» характерна большая продолжительность состояния смерти после долгой реанимации, но все равно не более 20 минут. Поэтому если попытаться описать случай с бездыханной в терминах современной медицины, то исходя из тех, в общем-то скудных, данных это могла быть скорее всего ацетонемическая кома.

Попробуем воспроизвести, как в данной ситуации мог сформироваться образ мага. Один из возможных сценариев состоит в том, что никакого чудесного средства для исцеления бездыханной у Эмпедокла не было, а произошедшее могло быть случайным совпадением. Нам сообщают, что врачи боролись за ее жизнь 30 дней и после этого сдались. Это значит, что в течение этого времени они предпринимали разные меры, эффект которых оказался отложенным<sup>19</sup>. И именно в тот момент, когда произошло «воскрешение» бездыханной, рядом находился Эмпедокл, а не кто-то из тех врачей, которые устали бороться за ее жизнь. Такое совпадение является питательной средой для мифологического сознания и тут же формирует вывод: пришел Эмпедокл и спас девушку; значит, он маг. Для мифологического мышления характерно проведение неправильных логических связей, оно часто не учитывает предыдущий опыт и опирается в своих выводах на произошедшее здесь и сейчас. Не учитывается в нем также и роль случая<sup>20</sup>. Всякое случайное совпадение объявляется закономерным, например, если кто-то, долгое время бормоча себе под нос разные слова, высекает искру и ее появление совпадает с каким-либо словом, то это слово начинает рассматриваться как причина появления искры. Заметим, что именно против подобного скоропалительного установления причинно-следственных связей и предостерегает автор трактата «О священной болезни».

В заключение приведем рассуждение о причинах болезней и их лечении из трактата Плотина «Против гностиков»: «Еще они [маги] уверяют, что могут исцелять от болезней. Если бы они сказали, что лечат, руководствуясь благоразумием и назначая подобающую диету, они говорили бы как философы и были бы совершенно правы. Но они заявляют, что болезни — это демоны и что они могут изгонять их словом. Конечно, такие заявления поднимают их в глазах большинства, которое приводит в восторг всякая магия и волшебство. Но людей здравомыслящих они не убедят в том, что у болезней нет [естественных] причин: это может быть переутомление, избыток или недостаток [чего-либо в организме], воспаление, гниение, — словом, всякое изменение [в организме], берущее начало внутри него или снаружи. Об этом свидетельствуют и способы лечения болезней: больному очищают желудок, или дают лекарство, или пускают кровь, выводя болезнь наружу; ино-

<sup>19</sup> В описаниях «эффекта Лазаря» часто отмечается, что после всех предпринятых во время срочной реанимации усилий врачи констатируют смерть пациента, оставляют его одного и через какое-то время у умершего начинают проявляться признаки жизни. Полного объяснения того, почему так иногда происходит, пока нет, однако в статье «Феномен Лазаря: ауторесусцитация после остановки сердца» [15] предлагается несколько вариантов ответа на этот вопрос. Кроме того, из личного жизненного опыта каждый из нас знает, что у лекарств есть отложенный эффект, во время приема кажется, что никаких положительных изменений не происходит, а после отмены препарата наступает резкое улучшение. То же самое можно предположить и в случае с комой — ряд предпринятых мер может не давать непосредственного результата, однако это не значит, что случившееся через некоторое время восстановление жизненных функций не было прямым отложенным следствием этих мер.

<sup>20</sup> Для лучшего понимания механизмов формирования мифологического сознания можно обратиться к работе Эрнста Кассирера (Ernst Cassirer) [16].

гда больного исцеляет голодание. Что же, нам думать, что демон убежал из него, потому что проголодался? Или выпитое лекарство заставило демона растаять?» [17, с. 180]

В этом отрывке внимание привлекает следующее. Во-первых, тех, кто, судя по контексту, является медиками, Плотин называет философами, что само по себе прямо противоположно той негативной окраске натурфилософов, которую мы находим в трактате «О древней медицине». Во-вторых, заявляется, что у болезней имеются естественные причины, а не сверхъестественные, и они могут быть излечены соответствующими их природе средствами, а не обращением к вызвавшим их демоническим существам, что созвучно трактату «О священной болезни». И в-третьих, похоже, что в III в. н.э. граница между философией и медициной все еще не была такой четкой, как того хотелось бы Гиппократу. Тех, кто видит естественные причины происходящего, называют философами, какую бы далее деятельность они не осуществляли. Что уж говорить о V в. до н.э., когда грань между медициной и философией и вовсе была аморфной.

С одной стороны, Эмпедокл заявляет о себе как о человеке, обладающем особыми способностями и знаниями, выделяющими его из круга обычных людей. В одном фрагменте он обещает научить привлекать для пользы дела природные силы и воскрешать умерших, в другом объявляет себя богом. На основании этих фрагментов в поздней доксографии были сконструированы более детальные истории о его чудесных деяниях. Эти фрагменты, хотя их совсем мало, давали богатую питательную почву для его обвинения в шарлатанстве и колдовстве. Те, кто был в этом заинтересован, не хотели видеть ничего другого. А это «другое» гораздо больше по объему и содержанию. Нельзя не обращать внимания на постулируемый им строгий этический идеал (воздержание от мясоедения, отказ от убийства жертвенных животных, принятие личной ответственности) в сочетании с многочисленными фрагментами о женской фертильности, строении различных органов, развитии, питании и формировании частей эмбриона, первом вздохе и определении пола плода, о крови, мышцах и костях, о дыхании, механизме зрительного восприятия и устройстве глаза, в целом о питании, росте, сне и смерти<sup>21</sup>, которые рисуют перед нами образ серьезного исследователя-естествоиспытателя, можно даже сказать, первопроходца. Конечно, для объяснения многих физических и физиологических процессов он пользовался изобретенной им теорией о четырех корнях универсума и двух действующих силах, разных по характеру. Но нельзя забывать, что многие ученые на протяжении веков были пленниками своих теорий<sup>22</sup>.

Вопрос о соотношении и сосуществовании научных и религиозных идей в творчестве Эмпедокла еще не раскрыт до конца и может быть рассмотрен подробнее в будущих исследованиях. Задачей настоящей работы было показать, что

---

<sup>21</sup> Ограничиваясь заданными в исследовании рамками, здесь перечисляю лишь те сюжеты, которые могут характеризовать Эмпедокла как врача. Если обращаться ко всему его творчеству, то список тем будет куда более обширным.

<sup>22</sup> Ярким примером может служить Галилей, придерживающийся постулата о совершенстве мира. Из него следовало, что движение небесных тел должно быть круговым, так как круг — это совершенная фигура. Данная установка не позволяла Галилею признать, что Земля движется по эллиптической орбите, хотя на это указывали и наблюдения, и опубликованная в 1609 г. работа И. Кеплера. Рассуждение о принципе совершенства и круговом движении можно найти в работе Галилея «Диалог о двух системах мира» [18, с. 110–117].

многие исследователи попадают в ловушку, когда принимают во внимание только одну сторону творчества Эмпедокла. Тогда-то и появляются опрометчивые высказывания о нем как о шарлатане и обманщике. Более либеральный и всеохватывающий подход позволяет, во-первых, иначе интерпретировать разные выражения, видя в них скорее художественный прием, чем буквальное заявление, и, во-вторых, осуществить интерпретацию с опорой на современные исследования, например, в области реаниматологии, и тогда чудесная история перестает быть невероятной и поддается объяснению при помощи естественных причин.

## Литература

1. Van der Eijk, Ph. J. (2005), *Medicine and philosophy in classical antiquity. Doctors and philosophers on nature, health and disease*, Cambridge University Press.
2. Longrigg, J. (1993), *Greek rational medicine. Philosophy and medicine from Alcmaeon to the Alexandrians*, London and New York: Routledge.
3. Frede, M. (1980), The original notion of cause, in: Schofield, M., Burnyeat, M. and Barnes, J. (eds), *Doubt and Dogmatism. Studies in Hellenistic epistemology*, Oxford University Press, pp. 217–249.
4. Lloyd, G. E. R. (1963), Who Is Attacked in “On Ancient Medicine”? *Phronesis*, vol. 8 (2), pp. 108–126.
5. Гиппократ (1936), *Избранные книги*, т. I, пер. Руднев, В. И., ред., вступит. статьи и примеч. Карпов, В. П., М.: Государственное издательство биологической и медицинской литературы.
6. Wellmann, M. (1901), *Fragmentsammlung der griechischen Ärzte*, Bd. I. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung.
7. Jouanna, J. (1997), *Hippocrates*, Baltimore and London: The Johns Hopkins University Press.
8. Van der Eijk, Ph. J. (2000), *Diocles of Carystus: a collection of the fragments with translation and commentary*, Leiden: Brill.
9. Long, H. S. (1949), The Unity of Empedocles’ Thought, *The American Journal of Philology*, vol. 70 (2), pp. 142–158.
10. Гатри, У. К. Ч. (2017), *История греческой философии: в 6 т., т. II: Досократовская традиция от Парменида до Демокрита*, пер. с англ. под ред. Мочаловой, И. Н., СПб.: Владимир Даль.
11. Prier, R. A. (1976), *Archaic Logic: Symbol and Structure in Heraclitus, Parmenides, and Empedocles*, Paris: Mouton.
12. Laks, A. and Most, G. W. (eds) (2016), *Early Greek philosophy. Western Greek thinkers*, vol. V, pt. 2, Cambridge (MA) and London: Harvard University Press.
13. Афонасин, Е. В. (2018), Гераклид Понтийский. Фрагменты и свидетельства («О болезнях, или Бездыханная», Фр. 82–95 Schütrumpf), *ΣΧΟΛΗ (Schole)*, vol. 12.2, с. 697–704.
14. Graham, D. W. (2010), *The texts of early Greek philosophy. The complete fragments and selected testimonies of the major presocratics*, pt. I, Cambridge University Press.
15. Воротынцев, С. И., Голдовский, Б. М., Поталов и др. (2011), Феномен Лазаря: ауторесuscитация после остановки сердца, *Медицина неотложных состояний*, № 3 (34), с. 130–136.
16. Кассирер, Э. (2001), *Философия символических форм*, т. 2: Мифологическое мышление, М., СПб.: Университетская книга.
17. Бородай, Т. Ю. (2008), *Рождение философского понятия. Бог и материя в диалогах Платона*, М.: Савин С. А.
18. Галилей, Г. (1964), Диалог о двух системах мира, в: Галилей, Г., *Избранные труды*, в 2 т., т. I, М.: Наука.

Статья поступила в редакцию 2 апреля 2022 г.;  
рекомендована к печати 17 июня 2022 г.

Контактная информация:

Афонасина Анна Сергеевна — канд. филос. наук, ст. преп.; [afonasina@gmail.com](mailto:afonasina@gmail.com)

# The image of Empedocles in the Hippocratic treatises and the interpretation of some biographical evidences\*

A. S. Afonasina

Novosibirsk State University,  
1, ul. Pirogova, Novosibirsk, 630090, Russian Federation

**For citation:** Afonasina A. S. The image of Empedocles in the Hippocratic treatises and the interpretation of some biographical evidences. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2022, vol. 38, issue 3, pp. 293–306. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2022.302> (In Russian)

Empedocles is spoken of as a physician by various ancient authors. However, none of the medical works attributed to him has survived. These may have been the treatise of Empedocles mentioned by Pliny the Elder on the deliverance of Athens from the plague and the medical treatise in six hundred verses. Nevertheless, we have at our disposal a number of fragments of his poem, in which the structure of various parts of the body is described, an attempt is made to explain the functioning of the processes of perception, some physiological processes and the structure of living organisms are described. Empedocles is also mentioned in some treatises of the Hippocratic corpus, but rather as a fake doctor in comparison with the real, i. e. Hippocratic doctors. This study aims to resolve the conflict that exists between the fragments of Empedocles' poem, in which he speaks in the first person and promises to teach various "magical" techniques, the testimonies of Heraclides and Timaeus based on these statements, and the reaction to Empedocles by representatives of the Hippocratic school. For this we will have to turn both to doxographic evidence and to some treatises of the Hippocratic corpus — "Ancient Medicine", "The Sacred Disease" and "Decorum". The article examines what medicine was in antiquity, what was the reason for the institutionalization of the medical profession, and whether a clear disciplinary boundary could be drawn between medicine and natural philosophy at the time. These questions are included in the general discussion of the relation between religious and scientific views in the philosophy of Empedocles, as well as in the mentioned treatises of the Hippocratic corpus. In addition, the article attempts to interpret the story of the miraculous resurrection of the breathless by referring to contemporary research in the field of resuscitation.

*Keywords:* Empedocles, ancient medicine, Hippocratic treatises, image of the doctor, magic, breathless girl.

## References

1. Van der Eijk, Ph. J. (2005), *Medicine and philosophy in classical antiquity. Doctors and philosophers on nature, health and disease*, Cambridge University Press.
2. Longrigg, J. (1993), *Greek rational medicine. Philosophy and medicine from Alcmaeon to the Alexandrians*, London and New York: Routledge.
3. Frede, M. (1980), The original notion of cause, in: Schofield, M., Burnyeat, M. and Barnes, J. (eds), *Doubt and Dogmatism. Studies in Hellenistic epistemology*, Oxford University Press, pp. 217–249.
4. Lloyd, G. E. R. (1963), Who Is Attacked in "On Ancient Medicine"? *Phronesis*, vol. 8 (2), pp. 108–126.
5. Hippocrates (1936), *Selected Books*, vol. I, transl. by Rudnev, V.I., ed., introductory articles and notes by Karpov, V.P., Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo biologicheskoi i meditsinskoi literatury Publ. (In Russian)
6. Wellmann, M. (1901), *Fragmentsammlung der griechischen Ärzte*, Bd. I. Berlin: Weidmannsche buch-handlung.
7. Jouanna, J. (1997), *Hippocrates*, Baltimore and London: The Johns Hopkins University Press.

---

\* The research was funded by the Russian Science Foundation grant no. 22-28-00163 "Empedocles the Physicist: A study of natural science fragments with translation and commentary".

8. Van der Eijk, Ph. J. (2000), *Diocles of Carystus: a collection of the fragments with translation and commentary*, Leiden: Brill.
9. Long, H. S. (1949), The Unity of Empedocles' Thought, *The American Journal of Philology*, vol. 70 (2), pp. 142–158.
10. Guthrie W. K. Ch. (2017), *A History of Greek Philosophy, vol. II: The Presocratic Tradition from Parmenides to Democritus*, St Petersburg: Vladimir Dal' Publ. (In Russian)
11. Prier, R. A. (1976), *Archaic Logic: Symbol and Structure in Heraclitus, Parmenides, and Empedocles*, Paris: Mouton.
12. Laks, A. and Most, G. W. (eds) (2016), *Early Greek philosophy. Western Greek thinkers*, vol. V, pt. 2, Cambridge (MA) and London: Harvard University Press.
13. Afonasin, E. V. (2018), Heraclides of Pontus. Fragments and Testimonies (“On Diseases, or Breathless,” Fr. 82–95 Schütrumpf), *ΣΧΟΛΗ*, vol. 12.2, pp. 697–704. (In Russian)
14. Graham, D. W. (2010), *The texts of early Greek philosophy. The complete fragments and selected testimonies of the major presocratics*, pt. I, Cambridge University Press.
15. Vorotyntsev, S. I., Goldovsky, B. M., Potalov, S. A. et al. (2011), Lazarus phenomenon: autoresuscitation after cardiac arrest, *Meditsina neotlozhnykh sostoianii*, no. 3 (34), pp. 130–136. (In Russian)
16. Cassirer, E. (2001), *Philosophy of symbolic forms*, vol. II: Mythological thinking, Moscow and St Petersburg: Universitetskaia kniga Publ. (In Russian)
17. Borodaj, T. Yu. (2008), *The birth of the philosophical concept. God and matter in Plato's dialogues*, Moscow: Savin S. A. Publ. (In Russian)
18. Galilei, G. (1964), Dialogue Concerning the Two Chief World Systems, in: Galilei, G., *Selected works*, in 2 vols, vol. 1, Moscow: Nauka Publ. (In Russian)

Received: April 2, 2022  
Accepted: June 17, 2022

Author's information:

Anna S. Afonasina — PhD in Philosophy, Senior Lecturer; afonasina@gmail.com